* * *

На другом конце Цзян Юй'Э сказала:

– Вторая сестра только планировала спеть песню, не собираясь играть на гуцинь?

Хотя песня была ужасно уникальной, с самого начала музыка тестировалась на "игре на гуцинь", а не на "песнях".

Казалось, что вторая юная леди Цзян исчерпала свои ограниченные способности, поэтому подумала о пении вместо того, чтобы играть на гуцинь. В середине всех этих мыслей они увидели, как Цзян Ли протянула обе руки и погладила струну гуцинь, прежде чем сорвать первый звук.

Потекла первая нота.

* * *

– Ке... – люди, наблюдавшие за происходящим со стороны, чуть не поперхнулись. – Она собирается играть.

– Быстро послушай, что она...

Слова ещё не полностью слетели с их губ, когда череда гладких нот гуцинь поразила всех ушей. Это было более экстремально по сравнению с Цзян Ю Яо, как будто кто-то использовал нож, чтобы вырезать сердце каждого по кусочку.

– Она играет "Восемнадцать песен флейты кочевников"!

Кто-то осознал это и тут же выпалил, какое-то время было волнение, и окружающие голоса также изменили свои мелодии.

Когда прозвучало это предложение, лица слушающих изменили цвет. "Восемнадцать песен флейты кочевников", даже учителя зала Мин И не могли сыграть эту песню. Если бы не осторожность, это превратилось бы в шутку, но Цзян Ли действительно осмелилась играть в это.

Сколько лет никто не играл "Восемнадцать песен флейты кочевников"?!

На экзаменационном поле внезапно воцарилась тишина. Человек внезапно разразился смехом посреди тишины. Это был именно Мянь Цзюй, радостно пританцовывающий на месте. Куда

делся весь стиль придворного музыканта? Мужчина был невероятно взволнован:

– Это "Восемнадцать песен флейты кочевников". Кишки у этой молодой девушки достаточно большие! Действительно смелая и сильная!

Фея Цзин Хун беспомощно сказала:

– Господин, успокойтесь.

Мянь Цзюй немедленно насмешливо улыбнулся, прежде чем замолчать.

В результате в месте проведения экзамена раздался только звук гуцинь Цзян Ли.

"Восемнадцать песен флейты кочевников" были написаны о тоске женщины по дому, о её прощальной печали и всепоглощающем негодовании. Самый важный аспект можно было бы выразить словом "печальный", но, не говоря уже об учителях, все ученицы зала Мин И были молодыми леди из благородных семей, проводящими свои дни невинно и без забот. Даже если у них и были какие-то заботы, то только по пустякам. Как они могут воспроизвести это "печальное" слово? Даже "грустно" было бы очень трудно достичь.

Хотя люди во всём мире часто говорят о сочувствии, но чувствовать это, как будто это случилось с ними самими, как это может быть так просто? Вероятно, только те мудрецы, в чьих сердцах заключён мир, могли это понять.

* * *

Мэн Хун Цзинь усмехнулась:

– На самом деле она не знает необъятности неба и земли, просто заставляя себя быть предметом всеобщих шуток...

Она, естественно, думала, что Цзян Ли не сможет хорошо играть эту композицию. Если бы Цзян Ли умела хорошо играть, разве это не означало бы, что Цзян Ли была более выдающейся, чем самые умные и талантливые девушки из зала Мин И за последние несколько лет? Как это было возможно?

Но её насмешливая улыбка постепенно исчезла, цвет лица тоже становился всё более и более неприглядным.

Движения рук Цзян Ли были очень умелыми, как будто она изучала гуцинь в течение десяти лет. Её движения также были чрезвычайно грациозными, без малейшего обдумывания или чрезмерно продуманной позы. Невообразимо беззаботно, как она и хотела.

Девушка сидела на экзаменационной сцене, ветер был ясный, а солнце слабое. Её рукава были широкими, зелёный цвет неотразим, её дух элегантен и прекрасен. На мгновение показалось, что место проведения экзамена находится в глубокой долине в горах. Это было совсем не непостоянно, но выглядело так, будто девушка играла только для того, чтобы услышать себя саму.

Это была игра для неё самой.

Цзян Ли не смотрела ни на какое конкретное место, также казалось, что она закончила рассматривать всё, что было перед ней.

Песня о том, как она покидает родной город, оставляет навсегда, а не просто уезжает из города, теряет сына, её семья разбита, а человек умер.

Человек, деливший с ней постель, был горным белоглазым волком, и от её семьи ничего не осталось после этой неоправданной катастрофы. Ещё более ненавистным было то, что её враг неуклонно рос. С тех пор как она переродилась, Цзян Ли наконец-то смогла увидеть своего врага, но не смогла сразу отомстить за отца и брата, будучи вынужденной сдерживаться.

Сдерживание её эмоций было прискорбным, глубоко укоренившаяся кровная вражда была прискорбной, невинные, страдающие от несправедливой смерти были прискорбными, вся семья, столкнувшаяся с несчастьем, была прискорбной. Угнетённый властью был прискорбен, у небес не было глаз, и это было прискорбно, холод и мрак были прискорбны!

http://tl.rulate.ru/book/25475/1823962